

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Эволюция хулиганства

(критические заметки в адрес ст. 213 УК РФ)

А. М. СЫСОЕВ — заместитель начальника юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Написание данной статьи вызвано последними изменениями отечественного законодательства, которые свидетельствуют о непродуманной политике в области уголовно-правового противодействия преступности. Ярким примером этого является Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму», внесший существенные изменения в ряд уголовно-правовых норм, в том числе и в ст. 213 УК РФ.

Необходимо отметить, что хулиганство, как показывает правоприменительная практика, всегда вызывало значительные трудности при квалификации, и эти проблемы появились не сегодня. Еще в 1913 г. министр юстиции И. Г. Щегловитов, представляя законопроект по борьбе с хулиганством, отмечал: «В основу законопроекта положена та мысль, что точно указать в законе, какие преступные деяния должны почитаться хулиганством, не представляется возможным, так как хулиганство есть, в сущности, оттенок преступности и по хулиганским побуждениям может быть учинено всякое преступное деяние. С другой стороны, ограничиться указанием об усилении наказаний в случае учинения проступков “по хулиганству” или, как предполагалось означить, “по озорству” так и не представляется возможным, так как оба эти понятия не могут почитаться имеющими вполне определенное значение. Между тем закон должен дать по возможности точные указания, в каких случаях преступное деяние должно быть признано учиненным по хулиганским побуждениям, и влечь за собой предложенное проектом усиление наказаний»¹.

Традиционно хулиганством признавалось деяние, при котором субъект совершал иные действия, подпадающие под соответствующие уголовно-правовые нормы (телесные повреждения, уничтожение имущества и т. п.). Хулиганство традиционно относится к формальным составам преступлений, которые не требуют наличия общественно опасных последствий. Следовательно, определяющим моментом для установления умысла в формальных составах преступлений является психическое отношение лица к совершенному им деянию. Стоит вспомнить, что сам по себе хулиганский мотив включен в целый ряд уголовно-правовых норм (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ и т. д.).

Само определение хулиганского мотива являлось основой при квалификации деяния. Так, в уже отме-

ненном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.1991 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» указывалось на обязательность установления хулиганского мотива как для квалификации деяния, так и для отграничения хулиганства от других уголовно наказуемых деяний. Под хулиганским мотивом понималось грубое нарушение общественного порядка, выражающееся в явном неуважении к обществу, очевидное для виновного. При этом грубым нарушением общественного порядка являлось существенное негативное отклонение от общепринятых правил поведения, которое препятствует нормальному функционированию системы общественных отношений, обеспечивающих спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, а также работы учреждений, предприятий и организаций.

Эта точка зрения является доминирующей и в современных научных исследованиях. Так, С. В. Борисов, исходя из вышеизложенного понимания хулиганского мотива, предлагает свое определение хулиганских побуждений, под которыми понимает мотивы, выражающиеся в стремлении лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам поведения, обеспечивающим общественное спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, а также работы учреждений, предприятий и организаций².

На основании изменений, внесенных Федеральным законом от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ в уголовное законодательство, хулиганством может быть признано только грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Во-первых, сначала отметим технические недостатки данной редакции нормы. Как справедливо замечают Н. Г. Иванов и И. И. Косырев, теперь для квалификации хулиганства необходимо доказать наличие непосредственного хулиганского мотива и экстремистского мотива. Причем названные мотивы должны содержаться в одном деянии и являться доминантой хулиганских действий³.

Для сравнения отметим, что в ст. 105, 111, 112, 115, 116 УК РФ в состав хулиганских побуждений, с одной

стороны, входят мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, с другой — они разграничены. Обращаясь же к ст. 213 УК РФ, мы видим, что такого разделения нет, что значительно расширяет объем понятия «хулиганство».

Во-вторых, вызывает определенные сомнения положение о том, что хулиганство может совершаться по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Деяния, совершаемые по таким мотивам, — это уже преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Одно только возбуждение ненависти или вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по названным мотивам согласно ст. 282 УК РФ является преступлением против основ конституционного строя и безопасности государства.

Отмечая вышесказанное, мы не можем четко выявить критерии, по которым законодатель первоначально отнес хулиганство к преступлениям экстремистской направленности. Последние корректировки уголовного законодательства показывают, что путем внесения изменений в Особенную часть Уголовного кодекса законодатель пытается обосновать данную категорию преступлений.

В-третьих, стоит отметить и мотивы, упомянутые в диспозиции последней редакции ст. 213 УК РФ, а именно: мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды; мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, которые, на наш взгляд, не являются определенными. Законодатель, установив в п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ уголовную ответственность за хулиганство, вовсе не указывает, какие действия образуют состав данного преступления.

Как отмечает Ц. З. Апостолова, «мотив, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, проявляется в желании виновного показать неполноценность личности в силу ее принадлежности к определенной национальности, расе, политической, идеологической группе, религиозному вероучению либо иной социальной группе и продемонстрировать окружающим исключительность собственной национальности, расовой и религиозной принадлежности. Указанные мотивы имеют схожие черты: первый направлен против общества в целом, второй — против определенной его ячейки. Однако в процессе квалификации хулиганства следует учитывать первостепенное значение хулиганского мотива. При совершении данного преступления личные мотивы, такие как ненависть или вражда, носят второстепенный характер»⁴.

Действительно, допускать возможность совершения преступления с несколькими равнозначными мотивами — значит создавать проблемы в правоприменительной практике. Однако попытки выделения «первостепенного» или «второстепенного» мотива при квалификации хулиганства также заранее обречены на неудачу.

При рассмотрении данных мотивов не покидает чувство, что законодатель сделал попытку необос-

нованного расширения круга деяний, которые теперь можно трактовать как экстремистские. В этой связи уместно обратиться к высказыванию профессора В. В. Лунеева, который отмечает: «Элитарные круги, пытаясь защитить себя от возможного экстремизма, в число мотивов его совершения включили не только традиционную расовую, национальную и религиозную ненависть (вражду), но идеологическую, политическую и особо выделенную социальную. Такого открытого законодательного цинизма по уголовно-правовой защите интересов олигархии, ее идеологии и политики нельзя найти ни в одном уголовном кодексе западноевропейских стран»⁵.

Чтобы понять, что же представляет собой «политическая ненависть или вражда», обратимся к словарю С. И. Ожегова, который трактует политику как деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающую общественный строй и экономическую структуру страны, а также деятельность общественных классов, партий и других классовых организаций, общественных группировок, определяемую их интересами и целями; вопросы и события общественной государственной жизни; образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми⁶. Соответственно, понятие политической деятельности (равно как и политической ненависти или вражды) дает весьма широкий спектр действий и ставит еще больше вопросов. Например, является ли критика политического деятеля в средствах массовой информации выражением политической ненависти или вражды?

Не лучшим образом обстоит дело и в разъяснении сущности «идеологической ненависти или вражды». В большинстве энциклопедических словарей идеология представляется как «система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознается и оценивается отношение людей к действительности»⁷. Ясно представляется пересечение идеологической и политической вражды, но опять же перечисляя деяния, относимых законодателем к преступлениям экстремистской направленности, основанных на данных мотивах, весьма неточен, а следовательно, чрезмерно широк, что создает очевидные трудности при квалификации деяния.

В этой связи исследователь Н. Егорова закономерно отмечает: «Вполне понятно стремление законодателя усилить уголовно-правовое противодействие наиболее опасным проявлениям экстремизма. Однако толкование признака совершения преступления по мотивам политической, идеологической ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы вызывает серьезные вопросы. На наш взгляд, это может затруднить применение уголовно-правовых норм о таких распространенных преступлениях, как убийство, умышленное причинение вреда здоровью различной тяжести, поби, хулиганство и т. д. Недостаточно ясным не только для всего населения России, но и для специалистов в области юриспруденции представляется значение данных мотивов политической, идеологической ненависти или вражды»⁸.

Включение в состав хулиганства экстремистского мотива максимально запутывает правоприменитель-

ную практику. Квалификация хулиганства всегда создавала проблему, а в нынешней редакции ст. 231 УК РФ она становится еще более запутанной и, следовательно, неработающей.

■ ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ К вопросу о мерах борьбы с хулиганством (проект министра юстиции) // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного союза криминалистов. 1913. № 4. С. 104.

² См.: Борисов С. В. Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 14.

³ См.: Иванов Н. Г., Косырев И. И. Современный метаморфоз уголовно наказуемого хулиганства // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 37.

⁴ Апостолова Ц. З. Дискуссионные аспекты уголовно-правовой характеристики хулиганства в редакции Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ // Российский следователь. 2007. № 24. С. 9–10.

⁵ Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 158–159.

⁶ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 478.

⁷ Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.–СПб., 1997. С. 434.

⁸ Егоров Н. К вопросу о новых мотивах совершения преступлений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 41.

Применение отсрочки отбывания наказания к беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей

■ **О. М. КАМАЛОВА** — соискатель кафедры уголовного права Московского государственного лингвистического университета

Дифференциация исполнения наказания, являясь одним из важных принципов уголовно-исполнительного права и одновременно развитием уголовно-правового принципа дифференциации уголовной ответственности, направлена на создание необходимых условий для достижения стоящих перед ним целей. Признавая справедливость утверждения о том, что «в демократическом обществе к наименее защищенным социальным группам относятся женщины, старики и несовершеннолетние»¹, правомерно констатировать, что в числе всех осужденных самостоятельную категорию занимают женщины. Своего рода общее суждение о тенденциях назначения наказания женщинам высказал М. Т. Тащилин: «Судебная практика назначения уголовных наказаний женщинам свидетельствует об их значительном смягчении по признаку пола, что обусловлено спецификой социального статуса женщины, уклада их жизни, физического состояния и т. п.»².

Выделение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве такой категории совершивших преступление, как женщины, находящиеся в состоянии беременности либо имеющие малолетних детей, определяет предпосылки для реализации дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в отношении рассматриваемой категории осужденных. Самостоятельный интерес представляет такой институт, как отсрочка отбывания наказания, применяемая к осужденным женщинам. Это и определяет его характер как специального уголовно-правового института, применение которого является реализацией поощрительных правовых норм, что, по утверждению А.С. Михлина, «всегда связано с облегчением участи осужденного, с предоставлением ему каких-либо благ, освобождением от обязанностей»³.

Из содержания ст. 82 УК РФ следует, что возможность ее применения предоставлена законом в отношении не всех осужденных к тем или иным наказаниям женщин, а только имеющих детей в возрасте до

14 лет либо находящихся в состоянии беременности. При этом закон исключает возможность применения отсрочки к женщинам, которые формально соответствуют любой из двух названных характеристик, но которым в соответствии с приговором суда надлежит отбывать наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет за совершение тяжких либо особо тяжких преступлений (ст. 15 УК РФ), направленных против личности.

Среди всех находящихся в местах лишения свободы осужденные женщины составляют относительно небольшую группу, однако изоляция для них проходит гораздо сложнее, нежели для мужчин, причем не только психологически, но физиологически. Следует признать обоснованным утверждение, что «по-видимому, общество не может сразу и полностью отказаться от применения... лишения свободы (изоляции от общества) в отношении большинства женщин, попадающих в поле зрения уголовного правосудия»⁴.

Учет особенностей этой категории при относительно небольшой доле ее в местах лишения свободы, наличии в законодательстве норм, непосредственно относящихся к различным аспектам регулирования отбывания ими лишения свободы, является социально обусловленным. В изоляции такой достаточно тяжелый физически и психологически для женщины период, как беременность, проходит гораздо сложнее в силу ряда причин. Как справедливо отмечает В. А. Сушко — автор одного из первых диссертационных исследований, посвященных анализу отсрочки отбывания наказания женщинам, имеющими малолетних детей, или беременными⁵, — на женщинах «в большей мере... сказывается отрыв от детей, невозможность принимать участие в их воспитании, даже если эти дети старше трехлетнего возраста»⁶ (во время написания цитируемой работы отсрочка могла применяться к осужденным женщинам, имеющим детей до трехлетнего возраста — *Прим. авт.*).